

УДК 94(470.5).084.3:719

Г. А. Кругликова

ОХРАНА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (на материалах Урала)

В статье рассмотрены основные аспекты государственно-правовой охраны культурного наследия в первые годы советской власти, освещены теоретические и практические мероприятия государства в деле охраны памятников истории и культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурное наследие, охрана памятников, культура Урала.

Новая модель общественного развития, утверждающаяся в современной России, сопровождается значительными и не всегда однозначными изменениями в социокультурной сфере. В конце XX в. российская культура испытала на себе последствия политических и экономических преобразований, ставших возможными после провозглашенной в 1985 г. политики «перестройки». Коренные перемены в жизни общества повлекли за собой необратимые изменения и в культурной жизни, дали толчок сложным процессам, породившим новые структуры, элементы, организационные формы. Наряду с новыми технологиями культура приобрела иной облик и открыла новые возможности участия личности в общественно-культурной жизни, превратилась в сложную, интенсивно развивающуюся систему. Культурная жизнь современного российского общества – многогранное, взаимосвязанное и взаимообусловленное явление. Произошедшие значительные изменения в социокультурной ситуации в России выдвинули на первый план проблему изучения механизма и результатов культурных традиций прошлого, возникла необходимость в оценке культурных изменений в их сложности и многоплановости.

Практическая реализация современных принципов и целей культурной политики в России встречается со множеством трудностей, что требует их нового изучения, осознания роли государства в регулировании социокультурных процессов, пределов и способов его воздействия на развитие культуры.

Как справедливо отмечает Н. В. Михайлова, «историко-культурное наследие России является составной частью общечеловеческой культуры, действенным рычагом формирования и развития интеллекта человека,

общества, этноса, важнейшим хранилищем исторической памяти» [Михайлова, с. 7].

Организационные формы культурного наследия в первые годы Советской власти были зафиксированы в декретах и постановлениях ВЦИК и Совнаркома РСФСР об утверждении Государственной комиссии по просвещению (ноябрь 1917 г.), Наркомата имуществ республики (декабрь 1917 г.), а также образовании Коллегии по делам музеев при Отделе охраны памятников Наркомата имуществ (апрель 1918 г.). Создание подобных учреждений и их деятельность носили чрезвычайный характер, обусловленный экстремальной ситуацией, порожденной революцией. Отсутствовали общие программы действий, единый научно обоснованный подход при выделении памятников, нуждавшихся в защите государства. Образование в мае 1918 г. Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе РСФСР, подчинившего себе все без исключения органы охраны историко-культурного наследия, открыло новый этап в деятельности советской власти по сохранению историко-культурного наследия.

К периоду 1917–1923 гг. относятся первые декреты советского правительства, провозгласившие новый порядок в области культурного наследия. Приведем наиболее важные из них: «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов особого художественного и исторического значения», 1918 г.; «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», 1918 г.; «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской Социалистической Революции», 1918 г.; «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях», 1919 г.; «О ликвидации мощей», 1920 г.; «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих», 1922 г. и др. Документы этого времени категорично выражали право победителей на переустройство мира и перedel собственности.

Таким образом, именно эти декреты зафиксировали, сделали незыблемыми на ближайшие годы те положения, которые явились результатом долгих поисков отечественных специалистов. Последующие законодательные и нормативные акты, направленные на охрану памятников – постановления ВЦИК и СНК РСФСР, распоряжения, циркуляры Наркомпроса, Наркомзема, ВЧК – в основном уточняли, дополняли и конкретизировали отдельные положения вышеназванных декретов.

Государственная политика в сфере охраны памятников, складывавшаяся с октября 1917 г. до середины 1920-х гг., заключалась в интенсивном выявлении и постановке памятников на учет, создании специальных государственных органов и организаций, занимавшихся охраной памятников. В этот период были образованы центральные органы, управлявшие всем делом охраны памятников истории и культуры, создана определенная правовая база для их деятельности. Организация в структуре Наркомпроса РСФСР Отдела по делам музеев и охране памятников явилась лишь одним из неперемennых условий, которые должны были обеспечить сохранность историко-культурного наследия.

Изменение общей ситуации, связанное, в первую очередь, с окончанием Гражданской войны и осуществлением новой экономической политики, наглядно отразилось в документах по охране историко-культурного наследия. Период 1921–1929 гг. в области охраны памятников истории и культуры представляет собой целостный этап, отражающий качественное своеобразие изучаемого объекта, и хронологически охватывает деятельность государственных и общественных организаций с момента перехода к мирному строительству после окончания Гражданской войны до перехода к политике индустриализации, сопровождавшейся свертыванием нэпа, формированием и укреплением командно-административной системы.

Несмотря на принятые законопроекты в условиях Гражданской войны, учет «недвижимых» историко-культурных объектов в масштабе республики проводился бессистемно и стихийно. Голод 1921–1922 гг. потребовал принятия энергичных мер для выхода из создавшегося положения. Для этого требовалось золото, а его государственный запас был невелик. Зато оно в избытке имелось в храмах всех религий. Уже осенью 1921 г. наблюдались первые случаи использования на местах церковных богатств для борьбы с голодом. 20 марта 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) был принят проект директив по поводу изъятия церковных ценностей. В губерниях создавались секретные комиссии по изъятию предметов культа, в которые входили партийные руководители и комиссары военных подразделений. Телеграмму соответствующего содержания получило и Уралбюро ЦК РКП(б) [см.: ЦДООСО, ф. 1494, д. 74, л. 7]. Количество изъятых церковных ценностей в губерниях измерялось сотнями пудов золота и серебра, десятками пудов драгоценных камней. Екатеринбургская, Пермская, Челябинская губернии по количеству сданных ценностей [см.: ЦДООСО, ф. 76, д. 6532, л. 12; Урал. рабочий, 1922, 26 апр.; ОГАЧО, ф. Р-138, д. 497, л. 224 об., 497] находились в числе «лучших» районов страны.

Помимо изъятия церковных ценностей в 1922 г., невиданные масштабы приобрела продажа предметов музейного значения за границу. Большая часть учреждений культуры была снята с госснабжения и переведена на еще слабый местный бюджет. Местные органы охраны не в силах были обеспечить сохранность памятников культуры; многие исторические здания стали заниматься организациями, не заботящимися об их состоянии. Монастыри и церкви «превратились» в концлагеря, склады зерна, дома отдыха и т. д.

Важное влияние на сеть провинциальных органов охраны памятников оказала административно-территориальная реформа в стране, начавшаяся с 1923 г. Ее целью было укрупнение существовавших губерний и создание на их базе краев и областей. Губернские органы охраны памятников в результате реформы были ликвидированы, новые же органы охраны во вновь созданных краях и областях созданы не были.

Так, 7 января 1924 г. был издан Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы», с которого начинается отсчет документов по охране памятников культуры иного содержательного плана. Этот документ является первым нормативным актом, свидетельствующим об окончании национализации культурных ценностей и начале широкомасштабных мер по государственной охране памятников истории и культуры. В это же время начинают формироваться основные направления советского «охранного» законодательства, организационно оформляется и сама система государственных органов, ведающих вопросами учета и сохранения культурного достояния страны.

Тем не менее, нельзя не отметить недостаточную подкреплённость законодательства об охране памятников истории культуры актами общего характера. Так, финансовое законодательство тех лет не предусматривало даже возможность расходов на охрану памятников (централизованно выделялись средства только на поддержание крупнейших памятников). А из четырех Положений о местных Советах, утвержденных ВЦИК в 1924–1925 гг., только одно – о городских Советах – указывало на их обязанность принимать меры для охраны памятников старины и искусства.

Постановление ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (18 июня 1925 г.) [см.: Правда, 1925, 1 июля] положило начало всеобъемлющему руководству партии в области культуры, явилось началом идеологизации и бюрократизации культуры. XV съезд ВКП(б) (декабрь 1927 г.) признал необходимой «всемерную мобилизацию пролетарских масс и особенно усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте» [КПСС в резолюциях..., т. 4, с. 309]. Наука, куль-

тура, искусство превращались в инструмент государства по «обслуживанию текущих задач» – индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и т. д. Решающая роль в этом принадлежала органам партийного руководства культурой.

В 1925 г. контроль за работой по выявлению и учету архитектурных памятников был возложен на Центральные государственные реставрационные мастерские. Но в условиях нараставшего нигилизма по отношению к культурным ценностям было невозможно проводить данную работу эффективно. Принятие Декрета «О передаче в ведение местных исполнительных комитетов музейных и художественных учреждений местного значения» от 14 сентября 1925 г., предусматривавшего передачу охраняемых памятников в ведение местных органов, привело к тому, что местные Советы стали стремиться к сокращению количества подведомственных им объектов, должных находиться на государственной охране. Подобные меры, ставшие со второй половины 1920-х гг. общераспространенными, объяснялись самими исполкомами тем, что «постройки требуют средств не только на ремонт, но и на охрану их от расхищения. Но таких средств нет» [ГАРФ, ф. 2307, оп. 7, д. 24, л. 44]. Определенную роль при снятии памятников с учета сыграло отсутствие научно обоснованных критериев определения их ценности. В основе лежали экономические трудности, переживаемые страной вследствие многолетней войны и разрухи, необходимость экономить ограниченные денежные средства и материальные ресурсы, направлять их на решение неотложных нужд. Памятники же к таковым не относились. Все это не могло не повлиять на состояние историко-культурного наследия – многие первостепенные по своей ценности исторические и архитектурные объекты были навсегда утрачены.

Памятники прошлого объявлялись наследием эксплуататорских классов – помещиков, буржуазии, кулаков, служителей культа, наследием, во многом враждебным революции и подлежащим строгому отбору.

Реформа Наркомпроса и местных органов народного образования (1927), которая привела к «децентрализации» в области управления музеями и охраны памятников, по сути свела на нет роль отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР. Функции отдела в сфере охраны историко-культурного наследия ограничивались общим методическим руководством, осуществлявшимся одним сотрудником [см.: Заколадкин, с. 45].

Таким образом, созданная в 1921 г. сеть губернских органов охраны памятников постепенно разрушалась, а к концу 1928 г. фактически перестала существовать. Значение центрального органа по охране памятни-

ков – отдела по делам музеев Наркомпроса РСФСР было сведено до минимума. Все это не могло не отразиться на решении важных проблем в сфере охраны историко-культурного наследия в тот период, прежде всего его выявления, учета, сохранения ценностей.

В 1928 г. в сфере охраны памятников сложилась ситуация, которая требовала многоплановых неотложных решений наболевших вопросов. С особой остротой в то время стоял вопрос о восстановлении фактической охраны памятников на местах. Рассмотрения требовали и проблемы ассигнования во всей сфере охраны памятников, подготовки квалифицированных кадров в этой области. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. «О музейном строительстве» были сформулированы основные задачи в деле сохранения историко-культурного наследия. Акцент был смещен в сторону выявления и подготовки списка памятников революционного движения, искусства и старины, «...подлежащих охране и не могущих быть изъятыми, уничтоженными или измененными без получения на то согласия со стороны Наркомпроса РСФСР» [Еженедельник..., с. 4].

Несмотря на то, что во второй половине 1920-х гг. продолжалась работа по учету памятников истории и культуры, страну захлестнул поток нигилистических призывов. 1929 г. занимает особое место в летописи отечественной культуры. От этой роковой даты ведется отсчет чудовищного по своим последствиям разрушения памятников культуры.

В масштабе всего государства бытовал и поддерживался взгляд на религию как на пережиток прошлого, а это означало продолжение гонений на Церковь. Руководство страны, с одной стороны, публично демонстрировало свою терпимость в отношении религии и Церкви, а с другой – негласно организовывало общественность на борьбу с религией, облекая эти мероприятия в форму самопроизвольной инициативы масс. Антирелигиозная пропаганда вылилась в кампанию по закрытию церквей, монастырей и уничтожению культовых памятников. Впервые за всю историю мировой цивилизации XX в. в СССР началось организованное и планомерное уничтожение художественных, архитектурных и исторических ценностей. Были закрыты и взорваны тысячи церквей и часовен, в которых погибли десятки тысяч произведений искусства. Области и районы страны соревновались друг с другом – кто больше уничтожит памятников прошлого.

Урал не остался в стороне. Вопросы о закрытии культовых зданий обсуждались на заседаниях райкомов и горкомов партии. Печать того времени пестрила сообщениями об уничтожении памятников старины.

Повсеместно церкви отдавали под клубы, школы, общежития, бани и т. д. Уральский облисполком не препятствовал этому процессу. В итоге за период с 1 октября 1929 г. по 10 февраля 1930 г. только по г. Свердловску было закрыто 18 церквей [ГАСО, ф. Р-575, д. 20, л. 36 об.].

Конечно, здесь сыграла свою роль прежде всего идеологическая политика в стране, создавшая атмосферу нетерпимости к наследию прошлого. Но даже в такой атмосфере планомерное уничтожение памятников было бы невозможно без существования мощной централизованной организации.

Рубеж 1920–1930-х гг. оказался самым трагичным временем для памятников истории и культуры. Созданная ранее система охраны памятников в стране ликвидировалась: были упразднены Музейный отдел Наркомпроса, местные губернские и уездные органы охраны памятников, прекратилась деятельность Центральных государственных реставрационных мастерских, краеведческих обществ, закрылись многие музеи в усадьбах и монастырях. Массовый характер приобрела продажа музейных художественных ценностей за рубеж. Страна потеряла огромное количество культурных ценностей, созданных прошлыми поколениями. Была нарушена преемственность, подорваны накопленные веками духовно-нравственные связи и традиции.

Таким образом, середина 1920-х гг. соединила в себе противоречивые тенденции в деле охраны памятников. С одной стороны, удавалось контролировать их хозяйственное использование, а с другой – ни в малейшей степени не оправдалась ставка на местные Советы как ведущие органы в охране культурного наследия. К сожалению, эти негативные моменты в дальнейшем получили развитие. В конце 1920-х гг. фактически восторжествовал нигилистический, пролеткультовский подход к творениям прошлого. За ними не признавалось уже никакой духовной ценности для строителей социалистического общества. Так памятники многовековой истории и культуры народа превратились в источники поступления валютных средств и цветного металла, использовались в хозяйственно-бытовых целях без всякого учета времени их создания и историко-культурной ценности. Полная утрата понимания культурной значимости памятников воплотилась в ряде решений высших органов власти и управления РСФСР в конце 1920-х гг. и в практической деятельности местных Советов.

Фактический отказ от прежней политики в отношении памятников истории и культуры стал очевидным. Он не получил четкого выражения в каком-либо одном правовом акте. Никто не отменял и ранее изданных

декретов и инструкций, составлявших законодательство об охране культурно-исторических ценностей. На практике же они игнорировались или откровенно нарушались всеми советскими органами, начиная от исполкомов и до Президиума ВЦИК.

Ликвидация стройной системы государственных органов охраны памятников, уничтожение памятников зодчества, в том числе старинных церквей, составлявших большинство объектов учета, экспорт лучших музейных экспонатов – все это наиболее яркие проявления курса на растрату и уничтожение отечественного культурно-исторического наследия прошлого, проводимого в конце 1920-х гг.

В чем причина происшедшего? Очевидно, здесь сложно переплелись условия и обстоятельства первого десятилетия существования советской власти, одно из которых – общая оценка прошлого лишь как предыстории нового общества, как мира насилия, который следует разрушить до основания... Немалую роль сыграло в этом и нежелание лиц, решавших судьбу памятников, прислушаться к мнению специалистов. Сказывалось и то обстоятельство, что в борьбе с искоренением религии главный удар был направлен на уничтожение материальных носителей культа. Важно и то, что в условиях переживаемых страной экономических трудностей был взят курс на придание сфере духовной жизни второстепенной роли по сравнению с материальным производством.

Таким образом, исторические события 1917 г. повлекли за собой превращение культурных ценностей, находившихся в собственности царской фамилии, Церкви, дворянских семей, в достояние всего общества, вследствие чего концепция роли культурного наследия в развитии социума приобрела иное значение. Цели и смысл Октябрьской революции формализовались в том числе и в категориях отношения к наследию.

Культурное наследие редуцировалось к рациональному знанию как к средству преобразования мира. Список имен в «ленинском плане монументальной пропаганды» показывает, что новая власть не игнорировала мировое и отечественное культурное наследие, но устанавливала новые приоритеты, стремилась формировать новый образ культурного наследия как фундамент коммунизма.

Культура пронизывает все отрасли и сферы жизнедеятельности общества. Поэтому программа развития культуры находит отражение во всех программах общественного развития. Инструментарий культуры охватывает различные общественные сферы: воспитание, просвещение, образование; философское, общественное и гуманитарное знание; религию; художественное творчество; книжное, библиотечное и музейное дело;

оперативные информационные потоки; идеологию и пропаганду; политическое и юридическое нормотворчество; этические, этнические, социальные и религиозные стереотипы сознания и поведения; обряды и ритуалы; мифы и слухи; мораль и нравственность; эстетические приоритеты; моду и другие формы социальной престижности. Таким образом, с культурой связано и из нее вытекает все то, что формирует «картину мира и образ жизни того или иного народа в ту или иную эпоху» [Скакалин].

Таким образом, сохранение культурного наследия невозможно без эффективной информационной деятельности. В связи с этим необходимо сближение культурной и информационной политики в регионе, выработка единых методологических, технологических, организационных подходов.

Ярким подтверждением того, что общие социально-культурные ориентации влияют на характер деятельности по сохранению культурного наследия, является современная эпоха. К примеру, признание за музеями важной социальной миссии, связанной с ролью культурного наследия в развитии современного общества, в социализации современного человека, привело к значительному расширению типового и видового разнообразия музеев, в котором представлены сегодня самые разнообразные проекты – от классических музеев коллекционного типа до музеефикации разнообразных памятников и целых территорий.

Осуществляя хранение, изучение и презентацию экспонатов, музей актуализирует культурное наследие, обеспечивая его соотнесение и взаимодействие с современными социокультурными процессами и способствуя тем самым воспроизводству и развитию культуры.

Совокупным прошлым опытом выступает историческая память, которая обеспечивает единство культурно-исторического процесса и его преемственности. Являясь составной частью общечеловеческой культуры и хранилищем исторической памяти, культурное наследие России служит действенным ресурсом формирования и развития личности, общества, этноса.

ГАРФ. Ф. 2307 (Главнаука – Главное Управление научными и научно-художественными учреждениями Наркомпроса).

ГАСО. Ф. Р-575 (Административный отдел исполнительного комитета Свердловского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов).

Еженедельник Наркомпроса РСФСР. 1928. № 42.

Заколюдин И. Развитие структуры Наркомпроса и его местных органов // Народное просвещение. 1927. № 11–12.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4.

Михайлова Н. В. Государственно-правовая охрана историко-культурного наследия России во второй половине XX века. М., 2001.

ОГАЧО. Ф. Р-138 (Челябинский губисполком).

Правда. 1925. 1 июля.

Скакалин В. И. Социальная значимость культуры в сохранении национальной самобытности России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/SCIENTIFICARTICLES/2006/Skakalin/> (дата обращения: 12.08.2017).

Урал. рабочий. 1922. 26 апр.

ЦДООСО. Ф. 76 (Екатеринбургский губернский комитет РКП(б)).

ЦДООСО. Ф. 1494 (Уральское бюро ЦК РКП(б)).

УДК 94(470.54).084.3:351.74

И. С. Сильченко

ПРЕСТУПНОСТЬ В РЯДАХ МИЛИЦИИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1919–1923 гг.

В статье рассматриваются вопросы преступности в органах милиции и уголовного розыска Екатеринбургской губернии. Автор выделяет типы наиболее массовых преступлений, приводит примеры таких правонарушений и подробно анализирует причины их появления. В работе делаются выводы о том, что главной причиной преступности являлось тяжелое социально-бытовое положение милиционеров, вызванное экономическим кризисом в губернии.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Екатеринбургская губерния, милиция, уголовный розыск, преступность.

Милиция как основной орган охраны правопорядка начала формироваться непосредственно после занятия территории Екатеринбургской губернии войсками Красной армии. Процесс создания милиции контролировался военно-революционными комитетами (ревкомы), представлявшими собой местные органы чрезвычайного управления. С момента формирования губернского отдела управления и местных исполнительных комитетов милиция перешла в подчинение данных структур.

На территории Екатеринбургской губернии милиция была сформирована 17 июля 1919 г. На первоначальном этапе ее штат составляли